

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» /
SECTION “POLITICAL SCIENCES”

23.00.02 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ /
POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Серия «Политология. Религиоведение»

2020. Т. 32. С. 7–19

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 32.019.51(1-924/-925)

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.7>

Особенности евразийской модели сетевой войны

Л. Ю. Медовкина

Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина

Аннотация. Исследуются евразийская модель сетевой войны, ее основные особенности, а также то, насколько успешно она способна вести сетевые войны в условиях развивающегося сетевого противостояния. Главными задачами исследования являются анализ концептуальных основ сетевых войн, представление исторической ретроспективы развития данной теории. Отдельной задачей выступает изучение концептуальных выкладок А. Г. Дугина и И. Н. Панарина, основных разработчиков российской сетевой теории. Как показало исследование, особенность евразийской модели заключается в том, что она концентрируется на культурно-цивилизационных основах, ее задача не просто противостоять атлантистской сети, а распространить идеи евразийства, популяризируя данную идеологию, и тем самым получить новых союзников в мире. Отмечается, что евразийская модель сетевой войны за счет своих базовых ценностей и нереализованного потенциала имеет шанс в долгосрочной перспективе стать основополагающей в системе международных отношений.

Ключевые слова: США, Россия, сетевая война, кибервойна, геополитика, общество, информационная агрессия, информационное противостояние.

Для цитирования: Медовкина Л. Ю. Особенности евразийской модели сетевой войны // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 32. С. 7–19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.7>

Противостояние между странами, конечной целью которого являются геополитическое превосходство, мировая гегемония, ведется с того момента, как в мире появились первые государства. В различные периоды времени это противостояние осуществляется теми средствами, которые соответствуют конкретному уровню технического и научного прогресса в обществе. На сегодняшний момент таковыми средствами являются сетевые, и все чаще противостояние стран разворачивается в сетевом пространстве, что приводит к изменению взаимоотношений между ними. Неспособность государств оградить своих граждан от внешнего мира за счет перекрытия каналов связи или же введения информационной блокады приводит к тому, что

государственные границы становятся транспарентными, т. е. легко преодолимыми за счет информационно-коммуникационных технологий. Из-за этого общество оказывается более подверженным влиянию иностранных сетей, что может повлечь за собой самые негативные последствия – вплоть до государственного переворота или же революции.

Параллельно этому формируется и новый тип организации социума, который ученые называют «сетевое общество». Например, о таком писал испанский социолог М. Кастельс, утверждая, что сетевое общество основано на сетевых связях. При этом даже не обязательно информационных. Создано большое количество и иных сетей, где существуют индивиды, социальные институты, корпорации и государства [8]. К ним можно отнести разведывательную сеть, религиозную сеть, сеть агентов влияния, сеть вещания, политические сети, террористические сети и пр. Сетевое общество устроено и работает по абсолютно иным принципам, чем общества предыдущих типов. Если ранее основой общественных связей выступала жесткая вертикаль статусов и иерархичность внутриобщественных отношений, то в сетевом обществе наблюдается принцип равенства всех со всеми, а связи являются горизонтальными [13]. Всеобщее равенство в данном случае проявляется лишь на виртуальном уровне, тогда как в реальности прежние вертикаль и иерархия все еще существуют. Но краеугольным камнем в этом плане является то, что виртуальная среда начинает вытеснять реальность, поэтому возможно, что в скором времени индивиды не смогут отличать реальное от виртуального.

Как мы видим, формирование нового типа общества элиминирует старые системы координат, по которым жил человек. Раньше индивид мог отличить правду от лжи или хороший поступок от плохого. Теперь, когда виртуальная жизнь берет верх, все стало гораздо запутаннее. С одной стороны, данный факт является тревожным для государств и их правительств. Но с другой, это делает человека более поддающимся управлению и манипулированию, за что государства боролись всегда. Именно поэтому сложившаяся ситуация создает благоприятную почву для развития сравнительно нового типа войны, которая относится к классу гибридных и называется сетевой войной. Под сетевой войной понимается информационное воздействие на другое государство посредством коммуникационных сетей с целью получения контроля над сознанием общества и территорией [11]. Следует отметить, что сетевая война – это теория, подразумевающая качественный сдвиг в военных технологиях, а также в устройстве современных социумов. В России сетевая война трактуется как искусственный процесс, построенный на Западе и направленный на дестабилизацию регионов на постсоветском пространстве [12].

Эта теория стала заменой устаревшей концепции ядерного сдерживания, главенствовавшей в период холодной войны. Если концепция ядерного сдерживания основывалась на преобладании в сфере производства и технологического оснащения ядерного оружия, то сетевая война предполагает совсем иной принцип [12; 13]. В отличие от войн прошлого, сетевая война

ведется не только государствами, но и различными глобальными структурами. Кроме того, цветные революции внесли и свой вклад в развитие стратегии сетевой войны. Они доказали свою эффективность в рамках информационной войны, так как с их помощью можно было без применения военной силы свергать или же подчинять режимы в других странах.

Следует отметить, что создателем термина «сетевая война» принято считать Дж. Аркилла, консультанта Пентагона во время всех крупных операций США. Полагают, что Дж. Аркилл был одним из первых, кто привлек внимание к таким понятиям, как «кибервойна» и «сетевая война». В 1999 г. Дж. Аркилл вместе с Д. Ронфельдтом начали разработку американской военной стратегии. Главным предложением было отказаться от стратегии открытости, которая, по их мнению, во многом способствовала развалу Советского Союза. Новый подход в военной стратегии США ученые называли охраняемой открытостью [1]. Оба ученых отождествляли понятия информационной и сетевой войн. Основанием для этого был то, что в сущности это были формы одной войны, просто выраженной различными терминами. Сетевая война есть информационный тип конфликта, происходящего на самом высоком уровне между странами и обществами. Основной акцент в сетевой войне делается на мнении общественных масс или политических элит либо тех и других вместе. Концепт сетевых войн базируется на постулате четырех смежных областей жизнедеятельности индивидов, в рамках которых разворачивается противостояние: физической, информационной, когнитивной и социальной. Таким образом, мы рассматриваем новую модель взаимоотношений и взаимодействия между странами, которая опирается на абсолютно иную логику [8]. Логика сетевых войн лежит в другой плоскости, так как именно глобальная сетевая война сегодня является главным содержанием мировой политики. Для сетевой войны не существует государственных границ, для нее нет преград, нет зон влияния национальных администраций. Можно также сказать, что сетевые войны – это та технология, которая логически вытекает из геополитического противостояния в мире. Например, основной угрозой США, исходя из геополитической логики, является Россия, соответственно, их главной задачей выступает устранение угрозы. Традиционно главным геополитическим инструментом для устранения другого государства становится война. Но в современном мире начать войну против такого мощного государства, как Россия, – достаточно рискованный шаг, который к тому же не гарантирует успеха. Необходим альтернативный вариант. Именно таким вариантом и оказывается сетевая война, вероятность успеха которой гораздо выше, чем обычной [6].

Подчеркнем, что в отечественной научной литературе понятие «сетевая война» было впервые использовано А. Г. Дугиным в работе «Геополитика постмодерна» [4]. Автор стремился доказать, что единственным правильным ответом Российского государства на разрабатываемую и уже успешно применяемую на практике стратегию сетевой войны будет являться разработка симметричной сетевой стратегии. Данную сеть А. Г. Дугин назвал евразийской. Также сетевую войну изучал и другой известный российский

ученый – И. Н. Панарин, предложивший свою сетевую стратегию для России. В рамках данного исследования будут рассмотрены теоретические выкладки о евразийских сетях А. Г. Дугина и И. Н. Панарина.

В первую очередь представим концепцию А. Г. Дугина. Стоит отметить, что этот ученый был одним из первых, кто описал российскую концепцию информационной войны, выраженную через идеи евразийства. Фактически Дугин связал сетевое противостояние с евразийской цивилизационной теорией, которой, по его мнению, сегодня и придерживается Россия. Он утверждает, что евразийство базируется на дуализме цивилизаций моря и суши, которые были теоретически осмыслены еще в первой половине XX в. английским геополитиком Х. Макиндером, а позже дополнены американскими геополитиками Н. Спикменом и Зб. Бжезинским. Согласно дуалистической модели, Россия выступает в качестве ядра, осевого государства, цивилизации суши, что обрекает ее на перманентный конфликт с англосаксонским миром, где до второй половины XX в. ядром являлась Великобритания, а затем, после Второй мировой войны, ее сменили США [4; 5].

В соответствии с геополитической теорией суша и есть Евразия. На данной территории расположены страны, исповедующие традиционные ценности и уклад жизни. Море – западный мир – это абсолютная противоположность суше, а суша – абсолютная противоположность морю. И там и там жизнь измеряется в рамках совершенно разных систем координат. Таким образом, сторонники суши выступают оппонентами западному гегемонизму и американской экспансии. Они отвергают либеральные ценности, являясь сторонниками традиционной (самобытной) русской цивилизации. Евразийство и «западнизм» – две противостоящие друг другу идеологии. Также нельзя не подчеркнуть, что евразийство в современной России является относительно новой геополитической теорией. Оно возникло, а точнее было восстановлено, в конце 1980-х гг. как неоевразийство. Его первые представители, в том числе и А. Г. Дугин, восстановили значительную часть идейного наследия первых евразийцев, добавили геополитику и традиционализм, применив их к политическим реалиям стремительно разваливающегося СССР. Как и первые евразийцы, они выступали за превращение СССР в Евразийскую империю, с сохранением территориального состава Советского государства, но с изменением идеологии на евразийскую [5].

В 1990-х гг. евразийская школа российской цивилизационной и геополитической мысли находилась в жесткой оппозиции к Б. Ельцину и, как утверждает сам А. Г. Дугин, либералам и западникам. По его мнению, они все были частью атлантистской сети, т. е. прямыми агентами влияния западного мира, которые проводили политику по развалу России, руководствуясь указаниями, направляемыми внешними игроками, в первую очередь США. Как считает Дугин, радикально ситуация изменилась после смены власти в России на рубеже веков. Когда Б. Ельцин объявил о своей отставке, назначив В. Путина исполняющим обязанности президента страны, Россия начала новый внутри- и внешнеполитический курсы [4; 5]. Этот период ознаменовался фундаментальными изменениями, а именно возвратом к идеям

евразийства. Россия стала выстраивать «Большую Евразию». Внутри страны либерально-олигархическая система, сформированная Б. Ельциным, была заменена на патриотическую, т. е. был сделан акцент на цивилизационные установки российского народа как объединяющую основу общества.

Идея «Большой Евразии» нашла свое выражение и в рамках крупных интеграционных проектов на постсоветском пространстве, где Россия играет осевую роль. Конечно, прежде всего к подобным проектам можно отнести Евразийский экономический союз (ЕврАзЭС), созданный в 2001 г. Это была первая организация, которая была призвана интегрировать страны постсоветского пространства в единое экономико-политическое пространство [4]. Создание ЕврАзЭС могло бы пошатнуть позиции США, которые в период 1990-х гг. активно закрепляли свое влияние в регионе за счет экономических, политических и, что особенно важно, идеологических средств. Несколько позже финансово-идеологический базис был задействован Вашингтоном для того, чтобы попытаться развалить евразийский блок стран за счет проведения цветных революций. Можно утверждать, что это было первым «военным» применением информационных сетей. В частности, за счет непрерывного воздействия на сознание некоторой части населения были осуществлены попытки революций в Белоруссии, Армении и Молдавии. Были успешно проведены государственные перевороты в Грузии, на Украине и в Киргизии. Позже Грузия и Украина сформировали антироссийский блок стран региона, в который вошли также Азербайджан и Молдавия – ГУАМ (в одно время его участником был и Таджикистан, однако позже он вышел из его состава). Сложившаяся ситуация продемонстрировала, насколько эффективно применять информационные сети для осуществления собственных внешнеполитических замыслов. В этой связи Россия также начала стремительно развивать свою концепцию сетевой войны, в основу которой и легли идеи евразийства [5; 6].

Отстаивая идеи евразийства, российский ученый, политолог А. Г. Дугин представляет свою концепцию ведения сетевидной войны. Данный термин обозначает создание новой информационно-коммуникационной военной инфраструктуры, где будут задействованы интерактивные элементы и стремительно развивающиеся средства коммуникации. На этой основе Дугин предложил «евразийскую модель» сетевой войны [4]. По мнению ученого, евразийская сеть стала бы закономерным и симметричным российским ответом на сетевидные вызовы западного мира в целом и США в частности. А. Г. Дугин подчеркивает, что для успешного и полноценного достижения поставленной цели необходимо создать специальную группу, которая будет включать высокопоставленных чиновников, пассионарные кадры различных спецслужб, ученых и экспертов, политических деятелей, патриотически ориентированных представителей СМИ и деятелей культуры [2; 6]. Главной задачей данной группы станет проработка теоретической модели евразийской сети, которая должна объединить в себе базовые элементы американского постмодерна и информационного подхода, но при этом адаптировав их к российским реалиям. Данная модель может быть успешной

только в том случае, если российские вооруженные силы, секретные спецслужбы, политические институты, информационно-коммуникационные системы достигнут постиндустриального уровня развития. Имеются в виду качественно новые системы управления, техническое оснащение, кадры и т. д. Все это должно будет соответствовать новому типу мироустройства – информационному, или, как его сегодня принято называть, постиндустриальному [4]. Дугин утверждает, что если Россия не сделает этого, то она будет обречена на поражение от сетевых технологий, с которыми она, исходя из сегодняшнего уровня развития страны, просто не в состоянии справиться. Сетевую войну можно выиграть по принципу «клин вышибают только клином», что означает использование сетевых средств, эффективных технологий против другой сети. Но важно понимать, что эти средства и технологии должны быть адаптированы к российской реальности, соответствовать основным параметрам и базовым основам евразийской сети. Приведенные выше принципы «дугинской» модели евразийской сети были заимствованы у современной глобальной атлантистской сети. На сегодняшний день она остается единственной мировой сетью. Остальные являются лишь ее подсетями, которые выполняют исключительно вспомогательную функцию. По мнению А. Г. Дугина, главной задачей России является создание своей евразийской сети, при этом она должна быть симметричной атлантистской сети, а не являться ее подсистемой. Для этого необходимо найти слабые места в структуре сети противника [5].

Примечательно, что еще в 1990-е гг., а также в начале 2000-х гг. сами евразийцы занялись созданием и диверсификацией своей мировой сети, опираясь на антилиберальные силы в мире, которые разделяли основные ценности евразийцев, отвергая атлантизм и гегемонию США, были противниками гендерной политики. Самыми распространенными участниками евразийской сети были консерваторы, которые придерживались как правых, так и левых взглядов, но всех их объединяло одно – неприятие агрессивной и захватнической политики Вашингтона. Тем не менее евразийская сеть была весьма слабой, особенно по сравнению с противостоящей ей атлантистской сетью, которая опиралась на крупный мировой капитал, другими словами, крупнейших бизнесменов мира, таких как, например, Д. Сорос. Как известно, Д. Сорос – один из основных поборников либеральных ценностей, стремящийся навязать их всему миру за счет своего Фонда Сороса и прочих организаций, финансирующих информационно-идеологическое влияние США по всему миру [5].

Кроме того, в рамках атлантистской сети присутствует и сильный силовой блок – НАТО. Также она опирается и на глобальные информационные сети, где находится большое количество молодого населения планеты. Мы видим, как за счет воздействия посредством этих сетей на сознание их пользователей западные ценности навязываются все большему числу индивидов, которые забывают о своем культурном коде, меняют взгляд на мир и происходящие в нем события; западные информационные сети стремятся стереть традиционные нормы морали и права, что ведет к полному «рефор-

мированию» индивида как такового. В итоге создается обычный потребитель, легко поддающийся информационному воздействию и манипуляции, способный выйти на акции протеста против действующей власти по первому же призыву из социальных сетей, даже не задумываясь о правильности своего поступка. Конечно, в подобных условиях развитие евразийской сети было весьма сложным. И нельзя сказать, что оно завершено, однако достигнуты большие успехи [6].

В то же время российский ученый И. Н. Панарин рассматривает сетевые войны в более практическом контексте в отличие от А. Г. Дугина. И. Н. Панарин анализирует информационные войны как средство для достижения краткосрочных геополитических целей, он не углубляется, как это делает А. Г. Дугин, в цивилизационные вопросы, отдавая первенство национальным интересам государства, ведущего информационную войну [12]. По мнению И. Н. Панарина, информационная война есть не что иное, как крайняя форма современных геополитических отношений, область информационного противостояния стран, которая возникает на базе конфликта национальных интересов субъектов геополитической конкуренции в рамках глобального информационного пространства. Сущность информационной войны заключается в том, чтобы нанести геополитическое поражение противнику посредством достижения информационного превосходства над ним. Главным является то, что информационная война может развернуться и в отсутствие вооруженного конфликта между акторами геополитики. Данная черта делает информационную войну одним из наиболее универсальных средств реализации национальных интересов страны в международном пространстве.

В рамках своей теории И. Н. Панарин также выделяет две самые большие волны информационной агрессии против России. К первой волне он относит перестройку в СССР и распад государства (1985–1991 гг.). Именно тогда США произвели масштабную интервенцию в советское информационное пространство. Информационный барьер, который отделял советских граждан от западного мира, одновременно рухнул. Это привело к бурному и неконтролируемому информационному потоку из-за рубежа. В это же время национальные информационные ресурсы потеряли свою монополию и были вытеснены крупными СМИ западного мира. С этого момента информационная обработка советского населения велась американскими и некоторыми европейскими массмедиа достаточно интенсивно. Они создавали такую информационную картинку, которая бы показывала все преимущества западной жизни, противопоставляя ее советской действительности. И большая часть граждан Советского Союза верила тому, что им говорили эти массмедиа. Сразу отметим, что это произошло не потому, что жители СССР были против своей власти, а потому, что информационный нажим со стороны США и Западной Европы был настолько силен, что советский социум был просто не способен ему сопротивляться. На наш взгляд, здесь присутствовала и серьезная ошибка советского руководства, которое не развивало свою информационную сеть для противодействия западной. В итоге информаци-

онное давление оказалось настолько сильным, что советский социум стал легко управляем иностранными информационными ресурсами, что привело к ускорению процесса развала СССР [12].

Вторая волна информационной агрессии в отношении России началась в 2000-х гг. и продолжается до сих пор. И. Н. Панарин считает, что она будет длиться до тех пор, пока евразийская идея не одержит верх над западной. Помимо этого, с его точки зрения, волну цветных революций на постсоветском пространстве можно считать не чем иным, как информационной агрессией США против России. В рамках цветных революций И. Н. Панарин выделил основные методики информационной войны: социальный контроль, другими словами, воздействие на общество; социальное маневрирование – умышленный контроль общественности; манипулирование информацией; дезинформация; изготовление информации – создание ложной информации, лоббирование, вымогательство желаемой информации [8]. Отсюда следует, что результатом информационной войны является цветная революция или же иное проявление процесса по свержению законной власти, которое было смоделировано за счет информационных технологий.

Согласно И. Н. Панарину, информационная борьба делится на два основных вида – тайная и открытая. Для них характерны следующие аспекты: пропаганда; интеллект, что подразумевает сбор информации о противнике; анализ – мониторинг массмедиа, изучение текущего положения дел; организационные вопросы, включающие координацию действий во время информационного противоборства, диверсионные операции, внедрение агентов, которые воздействуют на информационные ресурсы государства-противника и т. д. [12]. Для противодействия информационной агрессии государство должно создать прочную систему информационной безопасности. Она так или иначе, тайно либо открыто контролирует потоки информации в стране. Кроме того, такая система должна быть адекватной, что означает ее соответствие современной глобальной реальности. Основываясь на советском опыте, национальная система должна быть дополнена опытом США и Китая. И. Н. Панарин дает оценку последним событиям на Украине, указывая, что составляющим элементом украинского общественного протеста под названием «Евромайдан» являлась антироссийская кампания, которая была спланирована на Западе [8].

Анализируя изложенное, можно сделать вывод, что теоретические выкладки Панарина и Дугина пересекаются. Соответственно, оба российских эксперта говорят о единой евразийской сети и стремятся концептуально осмыслить ее будущую стратегию. И. Н. Панарин открыто заявил о геополитическом проекте в своей книге «Информационная война и геополитика». Исследуя историю России с точки зрения глобальной геополитики, он пришел к выводу, что успех всех геополитических проектов напрямую связан с преимуществом в информационном противоборстве. Именно события 2014 г. на Украине можно считать первым крупномасштабным конфликтом между евразийской и атлантистской сетями. Конечно, до этого был конфликт в Южной Осетии 2008 г., который вызвал сетевой конфликт между

Россией и США. Но в случае с Украиной этот конфликт отличает широкий масштаб, и, что особенно важно, он не завершился до сих пор. Можно сказать, что Украина была лишь одним из элементов сетевого противостояния между Россией и США. В 2015 г. новым элементом стал сирийский конфликт, который по «популярности» (здесь мы подразумеваем количество упоминаний в СМИ, социальных сетях) отодвинул конфликт на Украине на второй план [8; 12].

Следующей атакой на евразийскую сеть стала дезинформация по поводу вмешательства так называемых российских хакеров в выборы президента США. После началось «дело Скрипалей», вместе с обвинениями в химических атаках в Сирии [3].

Все эти удары наносились для того, чтобы расшатать евразийскую информационную сеть, а после этого нанести удар по экономико-политическому положению России. Также для США было важно испортить имидж Российского государства на международной арене. Это повлекло бы политическую и геополитическую блокаду России, разрыв экономических связей. А значит, США достигли бы своей основной цели – максимально ослабить Россию. Однако своей цели Вашингтону добиться не удалось. Евразийская сеть к этому моменту была развита достаточно, чтобы отражать подобного рода атаки. Ее формирование и усиление началось после сетевой войны 2008 г. за Южную Осетию, где Москва потерпела частичное поражение. После этого российские власти приняли решение максимально укрепить систему своей информационной безопасности, разработать методику ведения информационного противостояния и т. д. [10].

Итогом стала более развитая сеть, способная противостоять атакам атлантической и проводить свои собственные информационные операции. Об этом, в частности, упоминает А. Г. Дугин, полагая, что ситуация с Украиной продемонстрировала, что евразийские сети в Европе работают достаточно хорошо, успешно создавая оппозиционные барьеры атлантической политике. Практически все акции в европейских городах в поддержку России имели прямое или же опосредованное отношение к евразийской сети, а также близким или параллельным им движениям [7].

Следует отметить, что распространение влияния евразийской сети ведет к расширению числа европейцев, которые сочувствуют или же напрямую поддерживают Россию. Они отвергают тезисы своих властей об «агрессивной России», «захватнической политике русских» и т. п. Однако внешняя политика Российского государства в мире выгодно контрастирует с политикой западных стран. В итоге количество тех, кто поддерживает Россию, постепенно увеличивается. Здесь нельзя говорить о том, что сегодня их число в Европе настолько велико для того, чтобы они могли влиять на политику своих властей в отношении Москвы, но их достаточно, чтобы атлантическая сеть начала принимать контрмеры [5].

Очевидно, что теперь главной задачей западной сети стала дискредитация России, ее власти и идеологии. Внутри Запада массмедиа усиливают информационное воздействие на социум. Каждодневные выпуски новостей

сопровожаются обвинениями в адрес Москвы, новыми придуманными преступлениями, в которых обвиняют Россию, и просто резкими заявлениями видных общественно-политических деятелей Европы и США.

В ответ евразийская сеть стремится донести правду до западного зрителя посредством своих зарубежных СМИ, таких как Russia Today и Sputnik. Однако данный способ является не вполне продуктивным, так как атлантская сеть делает все возможное, чтобы помешать работе данных медиа на своей территории; создать информационную блокаду вокруг европейского или американского жителя, чтобы тот не смог получать информацию из альтернативных источников. Отдельным сектором работы для евразийской сети является мировая сеть Интернет. Там создать информационный вакуум гораздо сложнее. Поэтому здесь наблюдается больше успехов [10].

Например, часто жители Европы стали цитировать официальные страницы российских министерств и ведомств в социальных сетях вроде Facebook. Из них же они могут получать альтернативную информацию о России и ее внешней политике, что формирует иную точку зрения на происходящие в мире события.

Тем не менее мы должны понимать, что этот процесс не является массовым. Так поступают лишь отдельные индивиды, которые осознают или догадываются, что информационные ресурсы атлантской сети говорят неправду. Большая же часть населения Запада все еще убеждена в том, что Россия – агрессор и ведет захватническую мировую политику [5]. Это является сигналом для евразийской сети, что пора интенсифицировать свою деятельность, подключать новые ресурсы, чтобы привлекать как можно большую аудиторию в стане противника. Пока эта задача трудновыполнима в связи с незавершенным процессом развития евразийской сети [5; 12].

Вместе с тем у евразийской сети имеется большой потенциал, превышающий потенциал западной сети, который уже практически исчерпан. Это говорит о том, что в будущем евразийская сеть может победить атлантскую и стать одной из осевых в мире.

В завершение следует сказать, что главной особенностью евразийской модели сетевой войны является то, что она выступает не просто антиподом западной сети, направленным на то, чтобы противостоять информационной агрессии в отношении России и ее союзников. Евразийская сеть сегодня представляет собой сверхгосударственную структуру, направленную на объединение вокруг России как можно большего числа государств на основе единых гецивилизационных ценностей. Такой вывод можно сделать, исходя из анализа теоретических выкладок А. Г. Дугина и И. Н. Панарина, которые прямо или косвенно говорят о роли евразийской сети в мире. Оба ученых сходятся в том, что евразийская сеть стала активно выстраиваться после начала украинского кризиса 2014 г. До этого момента она не была единым образованием, а скорее представляла собой разрозненные элементы, действовавшие самостоятельно. Это, в частности, подтверждает тезис А. Г. Дугина о сети евразийцев в Европе. По сути, они не были встроены в евразийскую сеть, а действовали как ее отдельный элемент.

Полагаем, что переход от частного к целому в рамках рассматриваемой сетевой модели был осуществлен после того, как в России был окончательно закреплен «разворот на Восток». Главенствующим стал тезис, что «Россия есть евразийское государство». После этого мы можем говорить о единой евразийской модели сетевой войны. Подтверждением тому является тот факт, что именно с этого момента Россия начала эффективнее противостоять атакам атлантистской модели. Тем не менее еще наблюдаются некоторые проблемы в рамках евразийской сетевой модели. В первую очередь она имеет недостаточный масштаб, чтобы полноценно противостоять западной сети. Также у нее отмечается нехватка ресурсов влияния, существует определенная доля теоретических пробелов. Но на данный момент Россия стремится решить эти проблемы, что позволяет делать позитивные прогнозы.

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что евразийская модель сетевой войны в перспективе будет одной из главенствующих в мире. Возможен и вариант, в котором ей удастся победить атлантистскую модель и на основе идеологии евразийства создать новую систему международных отношений.

Список литературы

1. В Вашингтоне прекращается вещание телеканала RT [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180401/1517692142.html> (дата обращения: 26.01.2020).
2. Десяев Д. Г. Политика противостояния в СМИ: Россия и США [Электронный ресурс] // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-protivostoyaniya-v-smi-rossiya-i-ssha> (дата обращения: 27.01.2020).
3. Дугин А. Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб. : Амфора, 2007. 282 с.
4. Дугин А. Г. Евразия в сетевой войне (Евразийские сети накануне 2015 года) [Электронный ресурс] // Livejournal. URL: <https://dugin.livejournal.com/13085.html> (дата обращения: 25.01.2020).
5. Дугин А. Г., Коровин В., Бовдунов А. Сетевые войны [Электронный ресурс] // Изборский клуб. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/2319/> (дата обращения: 25.01.2020).
6. Кадырова Ш. Н. Информационная война в период южноосетинского конфликта. Противостояние СМИ России и Запада [Электронный ресурс] // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-v-period-yuzhnoosetinskogo-konflikta-protivostoyanie-smi-rossii-i-zapada> (дата обращения: 26.01.2020).
7. Косов Ю. В., Вовенда Ю. В. Геополитические концепции информационного противоборства в российской общественной мысли // Управленческое консультирование. 2015. № 10. С. 95–100.
8. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях : монография. М. : МИФИ, 2003. 388 с.
9. Мартыненко Е. В. Характер информационной войны между Россией и США в Сирии [Электронный ресурс] // Общество: политика, экономика, право. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakter-informatsionnoy-voyny-mezhdu-rossiey-i-ssha-v-sirii> (дата обращения: 27.01.2020).
10. Овчинников А. И. Национальная безопасность России в условиях сетевой войны // Философия права. 2014. № 2. С. 97–99.
11. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. М. : Поколение, 2006. 560 с.
12. Савин Л. В. Сетевая война. Введение в концепцию. М. : Евразийское движение, 2011. 130 с.
13. Arquilla J., Ronfeldt D. The emergence of noopolitik. Toward an American information strategy. RAND Corporation. 1999. 340 p.

The Peculiarities of Eurasian Network Warfare Model

L. Yu. Medovkina

Donetsk National University, Donetsk, Ukraine

Abstract. The article considers the Eurasian model of network warfare, its characteristics and features. The purpose of this work is to study the Eurasian network model, its main features, and how successfully it is able to wage network wars under the conditions of unfolding network confrontation. The main objectives of the research are to analyze the conceptual foundations of network wars and provide a historical retrospective of the development of this theory. Examining the theories of Dugin A. G. and Panarin I. N., who are main theoreticians of the Russian network theory, is a particular task. The study contains an introduction providing a brief overview of the theory of network warfare in historical retrospective, a main part giving an accurate analysis of the Eurasian network warfare model, and conclusions presenting main results of the study, as well as the list of sources and references. According to the study, the main feature of the Eurasian model is its focus on cultural and civilizational foundations. Its task is not just to resist the Atlanticist network, but rather to spread the ideas of Eurasianism popularizing this ideology and, thus, building allies. In addition, the Eurasian model of network warfare, owing to its basic values and untapped potential, has a chance to become a fundamental concept in the system of international relations in the long run.

Keywords: USA, Russia, network war, cyber war, geopolitics, society, information aggression, information confrontation.

For citation: Medovkina L.Yu. The Peculiarities of Eurasian Network Warfare Model. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2020, vol. 32, pp. 7-19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.7> (in Russian)

References

1. *V Vashingtone prekrashhaetsja veshhanie telekanala RT* [Broadcasting Of RT Is Proliferating In Washington]. Available at: <https://ria.ru/20180401/1517692142.html> (date of access: 26.01.2020). (in Russian)
2. Desjaev D.G. *Politika protivostojanija v SMI: Rossija i SShA* [Policy of Confrontation in Mass Media: Russia and the USA]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-protivostoyaniya-v-smi-rossiya-i-ssha> (date of access: 27.01.2020). (in Russian)
3. Dugin A.G. *Evracija v setevoj vojne (Evrazijskie seti nakanune 2015 goda)* [Eurasia in the world war (Eurasian Networks on the Eve of 2015)]. Available at: <https://dugin.livejournal.com/13085.html> (date of access: 25.01.2020) (in Russian)
4. Dugin A.G. *Geopolitika postmoderna. Vremena novyh imperij* [Postmodern Geopolitics. The Times Of New Empires]. *Očerki geopolitiki XXI veka*. Saint-Petersburg, Amfora Publ., 2007, 382 p. (in Russian)
5. Dugin A.G., Korovin V., Bovdunov A. *Setevye vojny* [Network's Warfare]. Available at: <http://www.dynacon.ru/content/articles/2319/> (date of access: 25.01.2020) (in Russian)
6. Kadyrova Sh.N. *Informacionnaja vojna v period juzhnoosetinskogo konflikta. Protivostojanie SMI Rossii i Zapada* [Information Warfare During South Osetian Conflict. Confrontation of Russian and West Mass Media]. Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-vojna-v-period-yuzhnoosetinskogo-konflikta-protivostoyaniya-smi-rossii-i-zapada> (date of access: 26.01.2020). (in Russian)
7. Kosov Ju.V., Vovenda Ju.V. *Geopoliticheskie koncepcii informacionnogo protivoborstva v rossijskoj obshhestvennoj mysli* [Geopolitical Concepts of Information Warfare in Russian Public Opinion]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2015, vol. 10, pp. 95-100. (in Russian)

8. Manojlo A.V. *Gosudarstvennaja informacionnaja politika v osobyh uslovijah* [Information Policy of The State in Specific Conditions: Monografija]. Moscow, MIFI, 2003, 388 s. (in Russian)

9. Martynenko E.V. *Harakter informacionnoj vojny mezhdu Rossiej i SShA v Sirii* [The Character Of Information War Between Russia And The USA In Syria]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakter-informatsionnoy-voyny-mezhdu-rossiej-i-ssha-v-sirii> (date of access: 27.01.2020). (in Russian)

10. Ovchinnikov A.I. *Nacional'naja bezopasnost Rossii v uslovijah setevoy vojny* [National Security Of Russia In The Sphere Of Network Warfare]. *Filosofija prava*, 2014, vol. 2, pp. 97-99. (in Russian)

11. Panarin I.N. *Informacionnaja vojna i geopolitika* [Information Policy and Geopolitics]. Moscow, Pokolenie, 2006, 560 p. (in Russian)

12. Savin L.V. *Setecentrichnaja i setevaja vojna. Vvedenie v koncepciju* [Network-Centric and Network War. Introduction in Concept]. Moscow, Evrazijskoe dvizhenie Publ., 2011. 130 p. (in Russian)

13. Arquilla J., Ronfeldt D. *The emergence of noopolitik. Toward an American information strategy*. RAND Corporation, 1999, 340 p. (in English)

Медовкина Лина Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра международных отношений и
внешней политики, исторический
факультет
Донецкий национальный университет
Украина, 83001, г. Донецк,
ул. Университетская, 24
e-mail: MedovkinaL@gmail.com

Medovkina Lina Yuryevna

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of International Relations
and Foreign Policy, Faculty of History
Donetsk National University
24, Universitetskaya st., Donetsk, 83001,
Ukraine
e-mail: MedovkinaL@gmail.com